

Комбриг Нестор Махно

Из истории первого союза махновцев с Советской властью

Владислав Федорович Верстюк

1990

От издателей. Еще совсем недавно наши историки при одном упоминании имени Махно начинали дружно рычать и наперебой рассказывать, каким он был отъявленным бандитом и авантюристом, сочиня самые невероятные небылицы; в лучшем случае они попросту молчали. Все дело в том, что махновское движение совершенно не вписывалось в лубочные картинки КПССовские историографии, до сих пор рисующей революцию и гражданскую войну как "классовую битву пролетариата и всего трудового народа с эксплуататорскими классами". Однако факты - упрямая вещь, их не скроет даже многолетнее переписывание истории, и бесполезны попытки отстирать красное полотнище большевистского стяга от крови невинных жертв. Сегодня мы уже знаем о том, что и в России, и на Украине нашлось достаточно "несознательных" рабочих и крестьян, не пожелавших признавать власть "своей родной" большевистской партии даже под вывеской "диктатура пролетариата". Публикуемая далее работа ценна тем, что В.Ф. Верстюк, которого не заподозришь в симпатиях к Махно, тем не менее, скрупулезно излагает все события, относящиеся ко времени первого союза махновцев с коммунистическим правительством, в большинстве своем свидетельствующие в пользу легендарного атамана. Серьезное беспристрастное исследование приводит автора к совершенно определенным выводам, независимо от его политических симпатий: настоящая наука не терпит "партийности". Думается, что, ознакомившись с этой, богатой на факты публикацией, читатель без всяких комментариев сможет составить собственное мнение о махновском движении и об одном из талантливейших военачальников времен гражданской войны Н.И. Махно.

Е. Соловьев, В. Радченко.

4 января 1919г. Реввоенсовет республики издал приказ о создании Украинского фронта. Командующим его был назначен один из военных руководителей Октябрьского восстания 1917 г. в Петрограде А. Антонов-Овсеенко. Начинался новый этап освобождения Украины от петлюровцев, деникинцев, Антанты. Фронту было подчинено лишь 12 тыс. штыков и сабель при 20 орудиях - количество, крайне недостаточное для ведения боевых действий активно.

Поэтому серьезный расчет делался на взаимодействие с повстанческими отрядами, количество которых постоянно росло. "Силы повстанцев, - отмечал А. Антонов-

Овсеенко, - не поддаются подсчетам". Но даже в этом повстанческом море уже была заметной фигура Н. Махно. Его звезда быстро всходила на кровавом небосклоне гражданской войны с осени 1918 г., когда, доведенные до отчаянья открыто разбойничьей политикой немецких и австро-венгерских оккупантов и их марионеточного режима гетмана Скоропадского, украинские крестьяне начали формировать повстанческие отряды и вести партизанскую борьбу. Один из таких отрядов из жителей Гуляй-Поля и окрестных сел создал 30-летний Нестор Махно. На это время в его активе были и участие в революции 1905-1907 гг., и годы каторжного централа, и революционная борьба в 1917 г. Сам Махно в 1929 г., уже в Париже характеризуя Гуляй-Поле как революционную среду, писал: "...На мою судьбу выпало счастье еще юностью попасть под идейное влияние анархиста-революционера Владимира Антони. Благодаря влиянию этого революционера, с одной стороны, а также благодаря тому правительственному террору, который начался в 1906-7 годах на русской земле против народа, что просыпался, я быстро занял не последнее место в боевой Гуляйпольской группе хлеборобов анархо-коммунистов Екатеринославской организации и долго и отчаянно боролся против царско-помещичьего строя; и хотя, в конце концов, я все-таки был схвачен сатрапами этого строя и был "осужден", но в виду своего несовершеннолетия избежал казни, которую испытали лучшие из моих друзей... Смертный приговор был заменен мне пожизненной каторгой. Революция открыла для меня в ночь с 1-го на 2-е марта ворота московских Бутырок, а дело революции на Украине заставило меня быстро перебираться из Москвы в родное Гуляй-Поле, где я отдался снова... делу организации трудящихся для борьбы за новую вольную жизнь.

В этом самом Гуляй-Поле по моей инициативе был созван съезд крупных и мелких земледельцев, у которых были отобраны и сожжены купчие на землю. А во время корниловского похода на Петроград против Временного правительства и революции по инициативе с Гуляй-Поля было обезоружено на большом пространстве волостей всю буржуазию, которая сочувствовала "корниловщине". Из Гуляй-Поля же была подана крестьянская инициатива для создания боевых отрядов... для разоружения всех казачьих войск, что снимались с внешнего противогерманского фронта и направлялись на Дон, на помощь атаману Каледину... Гуляй-Поле уже в то время первое почти на всю Украину внедрило в жизнь конфискацию заводов на общественную пользу, проводило на них работы и сбывало продукты под контролем тех, кто на них трудился".

Нестор Иванович Махно родился в многодетной бедняцкой семье, которая рано лишилась отца. Бедность, недоедание были постоянными спутниками его невеселого детства: с семи лет ходил в подпасках, потом батрачил. Очень рано у него проснулось чувство острой непримиримости к социальному неравенству и, что еще более важно для понимания его дальнейших поступков, глубокой убежденности, что несправедливость можно ликвидировать путем экспроприации и последующим перераспределением благ. Болезнью "экспроприации экспроприаторов" переболел не только Махно. Она была распространена и среди представителей многих радикальных партий, в том числе большевиков, а главное, этот лозунг очень импонировал значительным слоям обездоленных масс трудящихся. Вот почему выступления Махно, хотя он и не отличался талантом оратора, пользовались у крестьян осенью 1918 г. неизменным успехом. Н. Махно, может быть, как ни кто другой, верил в революци-

онность крестьянства, способность его к непримиримой борьбе против германцев и оккупантов. "Именно эта вера подсказывала мне, - писал он позднее в своих воспоминаниях, - что именно среди замкнутых, политически и экономически бесправных и ограбленных крестьян следует искать ту силу для борьбы против гетманщины за возрождение революции, которая должна проявить себя в Гуляйпольском районе повторно и более удачно, явится единственной силой, Запорожско-Приволжской области, способной вызвать трудящихся села и города вообще на путь решительных действий за свои вековые права, за независимую вольную жизнь и вольный труд".

Своими действиями партизанский отряд Махно на протяжении сентября-декабря 1918 года задал много неприятностей, как германской страже, так и оккупантам. Однако пока они не выходили за рамки местных масштабов. Значительно прибавила популярности Н. Махно и возвысила в глазах повстанцев Екатеринославщины смелая, хотя и неудачная, попытка в конце декабря 1918 года вместе с большевиками и рабочим классом Екатеринослава захватить город и удержать его в своих руках до подхода Красной Армии. Захватить Екатеринослав удалось, но удерживали его повстанцы только одни сутки. Преобладающими силами петлюровцы почти полностью их разбили. Большая часть повстанцев полегла на днепровском льду во время панического неорганизованного отступления. Несмотря на это, махновцы на удивление быстро восстановили свои силы. Как и во многих подобных ситуациях, главную роль тут играли не так организационные и политические способности их руководителей, как необычайная степень революционизации масс, готовых к вооруженной борьбе с контрреволюцией.

Однако и организационному умению ближайших соратников Махно нельзя отказать. Уже в начале января на станции Пологи они собрали совещание /съезд/ представителей отдельных повстанческих отрядов, что действовали на смежных с махновской территориях. В совещании приняло участие около 40 делегатов, которым было предложено объединить действия повстанцев под руководством оперативного штаба. Съезд инициативу поддержал; на 8 января было назначено наступление. Разрозненные отряды сливались в пять полков общей численностью 6200 человек. Полки получили порядковые номера и имя батьки Махно. Оперативный штаб организовал четыре участка, на которых сосредотачивались боевые действия.

Территория, где действовали повстанцы-махновцы, была достаточно большой. Фронт боевых действий составлял 150 верст. Одновременно им приходилось вести бои и против петлюровцев, и егерской бригады немцев-колонистов, и белогвардейских отрядов генерала Май-Маевского. Значительное количественное превосходство противника не остановило махновцев. Наступление разворачивалось успешно. Насильно мобилизованные врагом крестьяне массово переходили на сторону восставших в ходе первых же стычек. Один из соратников Н. Махно В. Белаш в своих воспоминаниях отмечал, что на 20 января у махновцев насчитывалось на вооружении около 15 тыс. штыков, 1000 сабель и до 40 пулеметов, а линия фронта возросла до 225 верст.

Именно на объединение с этой значительной повстанческой силой ориентировал командующий Украинского фронта в приказе от 17 января 1919 г. своего подчиненного командующего недавно созданной Харьковской группой войск В. Ауссема. Насчет Махно задание было сформулировано так: "В южном направлении пока что

ограничится расчисткой дороги к Махно, отряды которого нужно реорганизовать в полки 13-й, 14-й и т.д., закрепится прочно в Лозовой и Павлограде, опираясь на эти полки". Непосредственное задание "расчистки дороги к Махно" было возложено на отдельный отряд под командованием П. Дыбенко. Как председатель Центробалта П. Дыбенко приобрел широкую популярность в 1917 году. Однако весной 1918 г. его революционная карьера и жизнь едва не закончились трагически. Он был исключен из партии и предан суду за самоуправные действия отряда моряков, который он возглавлял во время обороны Нарвы от немецких оккупантов. Суд вынес П. Дыбенко смертный приговор, который потом был отменен.

21 января отряд П. Дыбенко захватил ст. Синельниково. Про это знали махновцы. Следует отметить, что они также искали контактов с Красной Армией. Еще в начале января в штабе Махно, как вспоминал один из ближайших его соратников в 1919-1919 гг. О. Чубенко, в присутствии членов штаба состоялся такой разговор. Отправляя Чубенко с отрядом против петлюровского атамана Самочиша, Махно отметил: "Может удастся объединиться с Красной Армией, которая, по слухам, захватила Белгород и перешла в наступление по всему Украинскому фронту. Если будешь иметь с ней встречу, заключи с ней военный союз". Махно спросил, как к этому относятся члены штаба. Все были согласны.

Еще актуальнее стала потребность в таком союзе для махновцев после 20 января. Неожиданно положение на фронте осложнилось. На помощь Май-Маевскому и немцам-колонистам с Кавказа в Приазовье прибыли части "Добровольческой армии". Из Бердянска, Геническа, Мариуполя в направлении Гуляй-Поля выступило около 20 тыс. белогвардейцев. Они захватили ст. Орехово, Пологи, села Туркенево и Воскресенку. Повстанцы были прижаты к Гуляй-Полю, которое в ожесточенных боях переходило из рук в руки. В конце концов пришлось сдать и Гуляй-Поле. Положение было настолько критическим, что оставалось надеяться только на Красную Армию. "В сумасшедшем танце смерти я изредка вспоминал о Красной Армии, но мысль о ней была мгновенной, и снова кровь, кровь без конца", - писал начальник штаба Н. Махно В. Белаш.

26 января, выполняя задание Н. Махно, О. Чубенко встретился в Нижнеднепровске под Екатеринославом с П. Дыбенко. Чубенко не утаил критического положения, в которое попали повстанцы. Им позарез нужны были боеприпасы и оружие. П. Дыбенко также очень интересовался состоянием дел и обещал, что, как только займет Екатеринослав, сразу же приедет в Гуляй-Поле. В воспоминаниях В. Белаша даже утверждается, что именно тогда, 26 января, было составлено соглашение о вхождении махновских частей в статусе бригады в состав дивизии П. Дыбенко. Однако, как свидетельствуют другие документы, это состоялось несколько позднее. Непосредственно же после встречи Дыбенко выделил повстанцам 500 тыс. патронов и направил им на помощь свой бронепоезд, а через два дня - 3-й Павлоградский полк.

Союз с частями Красной Армии помог махновцам снова освободить район Гуляй-Поле, пополнить запасы оружия, боекомплект. Присутствие отрядов Махно, которые оттягивали на себя значительные силы белых, облегчала командование Украинского фронта выполнение директивы главкома Й. Вацетиса о выходе войск фронта к Днепру, а также обеспечила поддержку правого фланга группы войск под командованием Кожевникова, что входила в состав Южного фронта и вела наступление

на Донбасс. Именно повстанцы-махновцы заполнили разрыв между Украинским и Южным фронтом, а он был не малый - 160-180 верст.

2 февраля штаб группы П. Дыбенко заключил соглашение о вхождении в ее состав частей атамана Григорьева, который порвал с петлюровцами и выступил на поддержку Советской власти. Тогда Укрфронт принял решение о реорганизации уже бригады П. Дыбенко в 9-ти полковую Заднепровскую дивизию в составе 3-х бригад. "Из 19-го и 20-го полков, - говорилось в приказе, подписанном 19 февраля по этому поводу, - создать 3-ю бригаду под командованием т. Махно, в составе которой организовать 7-й, 8-й и 9-й Заднепровские пехотные стрелеческие полки". По этому поводу П. Дыбенко приезжал в Пологи, где и сообщил Нестору Махно о его назначении комбригом. В бригаду были присланы политкомы Петров, Карпенко и Конев. Хотя они, как показало время, с обязанностями не справились. Для штабной работы было прислано несколько военных специалистов, а командирами полков утверждено близких к Махно Куриленко и Калашникова.

Доверие, с которым отнеслось к повстанцам и непосредственно к самому Махно командование Красной Армии, произвело на него большое впечатление. О. Чубенко рассказывает, что после одной из первых встреч с П. Дыбенко, возвращаясь в Гуляй-Поле в добром настроении, Махно откровенно делился с ним своими мыслями и говорил, что он и мысли не имел о командовании бригадой, потому, что не был ни одного дня на военной службе. "А теперь я - командир бригады, и кроме этого, еще и такое уважение ко мне". Кроме того, Дыбенко сказал ему, что он /Махно/ на наилучшем счету у большевиков-коммунистов, и, если и бывают какие неприятности, прибавил Махно, то только по тому, что "политические шарлатаны" часто его подводят. Политическими шарлатанами, говорит О. Чубенко, Махно называл идейных анархистов. Это не единственный факт, который свидетельствует о том, что отношения Махно с анархистами как в 1918 году, так и в 1919 году, до разрыва с Советской властью, были эпизодическими и значительного влияния на него не имели. Даже через 12 лет после событий, о которых речь, Нестор Махно, в то время уже тесно связанный с анархистами в эмиграции, в своих мемуарах счел необходимым признать, что в конце 1918 г. "были моменты, когда я перебирал в памяти имена всех анархистов, которые сидели в городах, но после наблюдения за ними во время моего путешествия по России я не находил тех людей, которые отделились целиком делу, начатому повстанчеством. По моему глубокому убеждению, они не были ни психологически, ни технически подготовлены к революции широких трудовых масс..."

С 1-го февраля до начала марта бригада выросла количественно с 4-х до 7-ми тыс. бойцов. Причем она непрерывно пребывала на фронте. В конце января - начале февраля в кровопролитных боях махновцы, как уже отмечалось, освободили Гуляй-Поле и расположенные поблизости от него городок и станцию Орехово, а также села Новокарловку, Новоселицу, Марфополье и Федоровку. 6-го февраля удалось отбить у белых село и станцию Пологи. В оперативной сводке штаба войск Харьковского направления за этот день сообщалось: "После сильного боя, в котором у противника принимала участие тяжелая артиллерия, нами были заняты: 17-м полком - станция Пришиб и село Михайловка, 16-м полком - станция и селение Пологи. "Добровольцы", казаки, чеченцы разбиты, бегут. Отмечается блестящее руководство командиров

частей во главе с батькой Махно. Наши трофеи - 2 пушки, танк, много винтовок и пулеметов". В следующие дни сводки сообщали об освобождении махновцами сел Воскресенка, Конские Раздоры, Басань, станций Магедово, Цареконстантиновка и других.

С конца зимы бригада Махно все больше втягивалась в боевые действия. В начале марта на Донбассе и в Приазовье деникинцы сосредоточили 8-9 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, что составляло 50% всех сил белогвардейцев на Южном фронте. В связи с этим нужно было укрепить красные войска в Донецком бассейне, в случае первой же возможности начать там наступление. Именно такое задание и было поставлено перед бригадой, возглавляемой Нестором Махно.

19 февраля в приказе командующего Харьковской группой войск А. Скачко перед 3-й Заднепровской бригадой ставилось задание овладеть железнодорожным участком Пологи-Волноваха. Оно было выполнено до середины марта. 15 марта махновцы захватили Бердянск, а 17 - Волноваху. Это был заметный успех, который не прошел мимо внимания главкома Й. Вацетиса. 16 марта он поставил перед Укрфронтом /то есть перед бригадой Махно, т. к. других частей в этом районе не было/ задание развивать операции по овладению побережьем Азовского моря до Таганрога включительно.

Н. Махно энергично взялся за выполнение поставленного задания. В 20-х числах марта его части подошли к Мариуполю и блокировали его с суши. Там находился сильный белогвардейский гарнизон, который с моря поддерживала французская военная эскадра. Мариупольский порт играл значительную роль в снабжении деникинцев оружием и снабжением; французы же имели надежду через него вывозить из Донбасса уголь и хлеб из богатых южных районов. Бой за Мариуполь шел три дня. Особенно ожесточенным он был на территории морского порта, где белогвардейцы под прикрытием французской корабельной артиллерии оборонялись двое суток, но, потеряв 250 чел. оставили порт. Большую помощь махновцам оказали работники металлургического завода. Их вклад в освобождение города был весомым, однако, это нисколько не уменьшало заслуг бойцов 3-й Заднепровской бригады, которые в отдельных случаях проявляли большой героизм. В рапорте, направленном в СНК УССР по поводу взятия Мариуполя, П. Дыбенко докладывал: "Стойкость и мужество полков нельзя описать. Во время наступления полки обстреливались со стороны врага и французской эскадры из 60 орудий. Невзирая на смертельный огонь, полки шли без выстрелов до стычки с врагом, после чего под командой доблестного командира 8-го полка, который неоднократно отличался в боях, т. Куриленко бросились в атаку. Вражеские укрепления были взяты штурмом... Эти славные полки без отдыха снова перешли в наступление. Прошу наградить 8-й и 9-й полки, артиллерийский дивизион особыми красными знаменами, а командира 8-го полка т. Куриленко орденом Красного знамени".

Взятие Мариуполя было славной страницей в истории революционного повстанчества. Трудовое крестьянство активно вступало в ряды махновцев, бригада росла, ее численность сдерживалась только отсутствием достаточного количества оружия и обмундирования. Быстро рос и авторитет Н. Махно. Он превратился в заметную фигуру среди командного состава Красной Армии, усилилось его влияние на массы. Один из политических инспекторов, посетив Заднепровскую дивизию, отметил

необычайную популярность Н. Махно среди бойцов. Им импонировала скромность командира, который не отделял себя от повстанческой массы административными барьерами, и его личная храбрость. На это время он имел уже несколько ранений, а всего на протяжении Гражданской войны был ранен 11 раз, в том числе несколько раз серьезно. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в это время Н. Махно выступал приверженцем Советской власти. В брошюре, посвященной развенчанию махновщины и анархизма бывший махновец и анархист И. Тепер /Гордеев/ в тоже время дал достаточно объективную и точную характеристику политических взглядов Н. Махно в обозначенный период: "К Гуляйпольской группе анархистов Махно относился весьма неприязненно за их заумное отношение к большевикам... Еще в феврале месяце 1919 г. во время встречи представителя секретариата Я. Алого /Суходольского/ с Махно выяснилось, что последний весьма и весьма индифферентно относится к общим заданиям набатовской организации и к той позиции, которую они занимают в отношении Советской власти. Махно тогда говорил: "Сначала я - революционер, а потом - анархист", а иногда он утверждал, что совсем перестал быть анархистом и что все свои действия направляет на укрепление Советской власти и ликвидации контрреволюции.

Вообще политическое лицо Махно, даже к моменту Елисаветградского съезда /2-7 апреля 1919 г./ еще не определилось. Даже тогда можно было с уверенностью сказать, что целый ряд причин приведет его в лагерь коммунистов-большевиков, вот почему в резолюциях Елисаветградского съезда не упоминается даже слово "Махно"..."

В советской центрально и местной прессе в то время Н. Махно было посвящено не одну хвалебную статью. С апреля в целом позитивно о нем писала "Правда". Взятие Мариуполя практически совпало по времени со взятием 1-й Заднепровской бригадой /комбриг Н. Григорьев/ Одессы и изгнанием с юга страны антантовских интервентов. Естественно, Одесская операция и открытие ею перспективы похода на запад затмили взятие Мариуполя, но не настолько, чтобы этот факт можно было проигнорировать. 9 апреля 1919 г. председатель СНК УССР Х. Раковский в телеграмме на имя В. Антонова-Овсеевко просил передать всем частям Красной Армии, что принимали участие в освобождении Одессы, горячее поздравление от имени правительства. Заканчивая телеграмму, он предлагал наградить части и командиров, которые особенно отличились, а также руководителей Одесской операции: "Одновременно с ними представить к почетной награде красноармейские части и их командиров, которые отличились под Мариуполем". Этот документ, хоть и несколько, прорывает прочную стену молчания, которым в наших исторических трудах исследователи обходили факты о награждении Н. Григорьева и Н. Махно орденами Красного знамени.

Конец марта - начало апреля 1919 г. для руководителей Советской Украины и КП/б/У были временем великих надежд и несдержимой эйфории, которые возникли после одержанных военных побед и удачного поворота международных событий, в первую очередь провозглашение Советской власти в Венгрии. Мировая революция, на которую столь надежд возлагалось в конце 1917 - в начале 1918 годов, снова казалась почти свершенным фактом. Призыв "Да здравствует мировая революция" наполнялся конкретным смыслом, постоянно звучал с газетных страниц, в больших и малых аудиториях. В её неизбежность очень верил командующий Укрфронтом В.

Антонов-Овсеенко. Выступая на торжественном заседании Всеукраинского ЦИК 7 апреля 1919 г. он убеждал: "Революция движется вперед. Вслед за Венгрией движение перебрасывается на другие страны, это движение будет еще больше крепнуть с продвижением нашей Красной Армии. В Киеве мы стоим в коридоре который ведет в Европу".

Внимание командующего Укрфронтом все больше сосредотачивалось на организации прорыва Украинской Красной Армии на помощь Советской Венгрии. О предоставлении такой помощи думало практически все советское и партийное руководство. 23 марта главком Й. Вацетис доложил В. Ленину /Ульянову/ о плане совместных действий, которые предполагались между Красной Армией и армией Советской Венгрии. Именно на Украинский фронт возлагалось задание установить непосредственную и тесную связь с советскими войсками в Венгрии. В одной из телеграмм В. Ленин /Ульянов/ указывал Х. Раковскому: "...Еще раз напоминаю наиважнейшие два задания: прорыв через Буковину и взятие Ростова".

Но в том то и дело, что второе задание в начале апреля под влияние отдельных побед многим военным казалось уже выполненным. В. Антонов-Овсеенко в докладной записке от 31 марта на имя Х. Раковского ставил вопрос о необходимости возвращения с Южного фронта ранее переданных ему украинских частей: "Нужно требовать поддержки. Наши задачи как тех, кто стоит в начале коридора в Европу, огромны. Нам должны возвратить взятое на Южный фронт и немедленно... Южный фронт полностью справится. Жду ответа". Недооценивал положение на Южном фронте и председатель Реввоенсовета республики Л. Троцкий. В своих публичных выступлениях и приказах в начале апреля он неоднократно утверждал, что ликвидация денкинцев окончится в ближайшие две недели, поскольку главная преграда здесь - весенние паводки на реках и размокшие дороги.

В то время бригада Махно продолжала наступление в направлении Таганрога, как того и требовали приказы и директивы. 1 апреля им удалось захватить Новониколаевку, что на восток от Мариуполя, потом село Безымянку, Весело-Вознесенское и еще ряд населенных пунктов. До Таганрога оставалось 46 верст. Действуя в узкой полосе вдоль побережья Азовского моря, 3-я Заднепровская бригада еще больше отрывалась от других частей дивизии. Практически 1-я Заднепровская дивизия как единое целое перестала существовать, 1-я ее бригада во главе с Григорьевым создала ядро Одесской группы войск, 2-я - Крымской, которая по инициативе П. Дыбенко успешно вела ранее не запланированную операцию по освобождению Крыма. В первую очередь такая ситуация отразилась на снабжении бригады. Махновцам приходилось самим обеспечивать себя боеприпасами, оружием, хлебом и обмундированием. Это, в свою очередь, еще больше усилило и без того сильные самоуправские тенденции в бригаде. Переформирование повстанческих отрядов в регулярную войсковую единицу, как признавал позднее в воспоминаниях В. Антонов-Овсеенко, было проведено в свое время формально. Для этого в условиях военных действий не было достаточных возможностей. Ряд документов подготовленных политработниками в марте 1919 г., свидетельствует о сложном и противоречивом положении бригады. Так политкомиссар бригады 5 марта докладывал: "... Штаб полностью еще не организован, в связи с отсутствием специалистов и технических сил нет возможности быстро поставить /это дело/ на правильный путь. В данный момент есть полковые политические ко-

миссары в трех полках и послано по одному политработнику в полк. Во всей бригаде нет ни одной коммунистической ячейки, ... литературы и библиотек нет, красноармейцы жаждут газет, как хлеба. К командному составу относятся по-товарищески, тех, кто, на их взгляд не подходят, переизбирают. В освобожденных от врага городах бывали беспорядки, которые устраивались несознательными красноармейцами и бандами, которые пролезли в Красную Армию. Для ликвидации беспорядков применялись серьезные меры. В прифронтовой полосе состояние удовлетворительное. Со стороны противника есть много перебежчиков, даже с оружием в руках. В занятых местностях организуются революционные комитеты, сельские и волостные Советы. Продовольствие для красноармейцев выискивается большей частью на местах. К Советской власти население относится с уважением. Белогвардейцев и петлюровцев ненавидят. Контрреволюционного элемента пока не наблюдается..., мобилизации не было, в армию идет много добровольцев, однако не хватает оружия и обмундирования". Близкий по смыслу отзыв о состоянии в бригаде Махно дала "комиссия № 7" Высшей войсковой инспекции УССР в середине марта: "Части батьки Махно крепко проникнуты духом и тенденциями бесшабашного вольного Запорожья. Бригада по состоянию больше похожа на отдельные партизанские отряды... Настроение частей революционное, боевое, бодрое. Сильные духом, они маленькими отрядами победно двигаются под огнем противника вперед. Деклассированных элементов в бригаде много... Анархистский штаб под видом выборности командного состава проводит своих людей, ставленников Махно. Среди командного состава все же есть порядочные люди, сторонники коммунизма... Следует отметить, что недостатки интендантского снабжения дополняются реквизициями, мародерством".

Обособленность бригады, слабое взаимодействие её с правым флангом 13-й армии беспокоили главком Й. Вацетиса. Еще 26 марта предложил В. Антонову-Овсеенко передать ее в распоряжение Южного фронта. Командование Укрфронта не хотело лишиться полностью боеспособной бригады, которая вела активные боевые действия, и медлило с выполнением приказа. Даже когда главком повторил его 2-го апреля, В. Антонов-Овсеенко направил на его имя телеграмму, в которой просил отменить распоряжение "о передаче 3-й бригады, которой командует Махно, в распоряжение Южного фронта". Главком настаивал на своем, а командующий Укрфронтом 15 апреля включил 3-ю Заднепровскую бригаду в созданную им 2-ю Украинскую армию. И дело было не только в махновской бригаде. Антонов-Овсеенко, М. Подвойский и другие руководители Советской Украины, страдая "детской болезнью левизны в коммунизме", в апреле-мае все свои взгляды обращали только на организацию похода на Запад и задерживали передислокацию войск на Донбасс. Возник целый ряд конфликтов, в разрешении которых пришлось принимать участие и В. Ленину.

Пока в верхних эшелонах советских руководителей существовали разные точки зрения и выяснялись отношения, в штабе Деникина достаточно точно оценили опасность выхода красных к Таганрогу. В связи с этим противник быстро весьма мастерски провел перегруппировку сил. Он вынудил командование Красной Армии поверить, что и дальше главные действия будут разворачиваться в районе Луганска, а сам нанес мощный удар в самое слабое место - на стыке Южного и Украинского фронтов. Именно туда были брошены наиболее мобильные белогвардейские части, в том числе 3-й Кубанский конный корпус Шкуро. 2 апреля при поддержке бронепоездов

белая конница прорвала оборону правого фланга 13-й армии и начала наступление на ст. Гришино, откуда открывался путь на Волноваху и Мариуполь.

М. Подвойский же в одном из своих приказов 8 апреля писал: "Нет преграды красным войскам и всюду враг бежит... Весенний поток пролетарской революции широко разливается и волны Красной Армии уже бьют в подорванные склады буржуазных правительств Румынии, Галичины, Польши, Австрии, Германии. Красная Армия несдержима". На это время части правого фланга 13-й армии и бригада Махно попали в отчаянную ситуацию. Оперативные сводки свидетельствуют, что 8 апреля под ударами превосходящих сил врага 79-й полк 9й стрелецкой дивизии начал беспорядочно отступать, оставив ст. Еленовка. Вследствие этого был полностью оголен левый фланг бригады Махно, которая, "отбиваясь от штыковых стычек", вышла к Новониколаевке. Кроме того, их атаковали со стороны Таганрога. 3-я Заднепровская бригада требовала немедленной поддержки. А. Скачко было приказано вернуться из Одессы в Екатеринослав и бросить на помощь Махно все наличные резервы, в том числе бригаду П. Дыбенко из Крыма. Последнему вновь поручалось непосредственное руководство махновской бригадой. Но П. Дыбенко считал освобождение Крыма более важным заданием и с выездом на Донбасс не спешил. 9-го апреля он издал приказ, которым руководство боевыми действиями в районе прорыва полностью возложил на Махно. Этот приказ в целом опровергает утверждения отдельных историков о том, что бригада Н. Махно дезорганизовала фронт и панически бежала. На самом деле же она находилась в эпицентре боевых действий, объединяя усилия отдельных разрозненных частей, которые подходили ей на помощь. На короткое время положение удалось стабилизировать. Однако уже 12-го апреля белогвардейцы снова начали наступать, а бригада Махно серьезной помощи так и не получила. В тот же день А. Скачко телеграфировал штабу Укрфронта: "Волноваха взята врагом. Мариуполь отрезан. Порыв расширяется, у противника появилась уже пехота. Вся серьезность положения в том, что части 9-ой дивизии панически бегут и полки самовольно снялись с позиции возле Волновахи... Некоторые эшелоны этих частей уже добежали до Пологов... Высылаю в Пологи последний резерв - батальон интернационалистов под командованием Тищенко. Махно выехал в Мариуполь на фронт, но он не сможет проникнуть к месту боя, поскольку Волноваха в руках противника. Дыбенко в Симферополе, ему дан приказ выехать в Пологи. Однако, принимая во внимание то, что все части 9-й дивизии по вчерашнему докладу комитета гришинских коммунистов не являют собой ни какой боевой силы, весь наш левый фланг, начиная от Гришино и Волновахи, полностью смятый". Заканчивая телеграмму, А. Скачко просил прислать части с западного направления и отметил, что ответственность за ухудшение ситуации должна лежать не на нем, а на фронтовом командовании. Антонов-Овсеенко резко на это ответил: "Ответственность лежит полностью на вас, поскольку вам было приказано не увлекаться Крымской операцией". Как видим, ни А. Скачко, ни В. Антонов-Овсеенко не сделали ни какого выпада в сторону Махно. Оперативные сводки за 13-29 апреля свидетельствуют, какие испытания выпали на долю бригады и как стойко она их перенесла. Бои шли ожесточенные и с переменным успехом. Населенные пункты переходили из рук в руки. Вот сводка за 13 апреля: "На фронте бригады Махно противник, перейдя в наступление, отеснил наши части от Волновахи и захватил ее, но контратакой был выбит и откинут до

села Новониколаевки. Бой продолжается". Сводка за 15 апреля: "После упорного и жесткого боя нами взята ст. Волноваха". Сводка 16 апреля: "На фронте бригады Махно нами занят Великий Анадоль, за 10 верст на север от Волновахи, продвижение продолжается. На правом фланге бригады после ожесточенного боя нами было оставлено город Мариуполь и ст. Мангуш". 19-го апреля сводки сообщали, что красные части оттесняют противника и продвигаются вперед. 23-го апреля - "враг в беспорядке отступает на Николаевку, Мариуполь, Карань". И, наконец, 28 апреля: "На Мариупольском направлении затишье. Наши войска занимают населенные пункты: Доля - Еленовка - Александровское - Новониколаевка - Игнатовка - Карань - Мариенталь - Табунщикова - Чермалик - Павлополь - Мариуполь". Прорыв врага удалось ликвидировать, положение значительно улучшилось и в значительной степени благодаря 3-й Заднепровской бригаде. За этот успех она заплатила дорогой ценою: из 6 тыс. бойцов, которые в ней насчитывались, 1 тыс. получила ранения и была госпитализирована, полк возле Кутейникова после отступления 9-й дивизии был полностью уничтожен. В середине апреля А. Скачко вынужден был признать: "...3-я бригада Махно, находясь непрерывно более трех месяцев в боях, получая лишь жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей, как 9-я дивизия, полностью выдохлась и можно считать 3-ю бригаду такой, что временно вышла из строя".

Апрельские бои, отсутствие решительной и эффективной помощи со стороны командования Красной Армией отразились не только на боеспособности бригады, но и значительно подорвали дисциплину и морально-политическое состояние красноармейцев. Несколько месяцев бригада была на самообеспечении, добывала продовольствие и боеприпасы, выискивала средства передвижения. Это неминуемо вело к обострению взаимоотношений с местными органами Советской власти. Особенно опасный конфликт разгорелся вокруг хлебных грузов, которые заготовляла в Мелитопольском и Бердянском районах экспедиция Наркомпрода, и которые систематически перехватывались П. Дыбенко и Н. Махно. В разгаре апрельских боев Х. Раковский направил командующему Укрфронтом телеграмму, в которой требовал принять в отношении начдива и комбрига определенные меры, в противном случае, угрожал он, "объявить Дыбенко и Махно врагами пролетариата, не смотря на политические последствия". Были и другие телеграммы из Александровска и Екатеринослава. В момент, когда махновские полки пошатнулись, этим решил воспользоваться начдив разгромленной белыми 9-й дивизии. Не имея возможности прямо обвинить Махно в предательстве, он 18 апреля телеграфировал в инстанции, что его подчиненные, временно переданные в подчинение Махно, докладывают, будто бы махновцы плохо относятся к красным частям: отбирают оружие, срывают значки, агитируют за выборность должностей, не признают регулярного строя. Однако наиболее красноармейцы были возмущены грабежом, разгулами и поголовным пьянством, которые якобы царили в махновских частях. Не будем отбрасывать все, что сказано в рапорте, но согласимся, удивительно выглядят попытки начальника разгромленной дивизии обвинить в грабеже и пьянстве бригаду, которая вела активные боевые действия. Член Реввоенсовета Южного фронта Сокольников после временного отступления из Мариуполя спрашивал у В. Антонова-Овсенко и Х. Раковского, не считают ли они подходящим момент, чтобы прибрать Махно, "prestиж которого пошатнулся". Вся

эта информация шла по тайным каналам, собиралась вверху и Махно была неизвестна, не задевала его честолюбия. Совсем иначе прозвучал публичный выпад против комбрига харьковской газеты "Известия". 25 апреля, когда ситуация на фронте еще не стабилизировалась, в этой газете неожиданно появилась передовая статья "Долой махновщину", само название которой уже определяло содержание. В ней крайне негативно изображались действия махновцев. "Повстанческое движение крестьянства случайно попало под руководство Махно и его "военно-революционного штаба", в котором нашли пристанище и бесшабашно-анархистские, и бело-левоэсеровские, и другие остатки "бывших" революционных партий, которые разложились", - писала газета. - Попав под руководство таких элементов, движение значительно утратило силу, успехи, связанные с его подъемом, не могли быть закреплены анархичностью действий... Махновские отряды, влившиеся в Красную Армию, сейчас в этом следует признаться, худшим образом повлияли на ее боеспособность... Нестойкость наших частей по линии Мариуполь - Волноваха - Доля целиком, на наш взгляд, объясняется тем влиянием, которое оказывает махновщина на Красную Армию... Безобразиям, которые происходят в "царстве" Махно, нужно положить конец". По чьей инициативе была подготовлена эта статья, так и не удалось установить. Во всяком случае, ни один из советских или партийных работников не поддержал ее, но и не осудил. А тем временем сама она дала повод для появления отчужденности в отношениях Махно с Советской властью.

Нагнетание вокруг 3-й Заднепровской бригады нездоровых страстей встревожило командующего Укрфронтом, и он решил специально проинспектировать махновские части. В тоже время /27 апреля/ в Екатеринослав по заданию Политбюро ЦК КП/б/У для расследования жалоб на Григорьева прибыл Я. Гамарник. Пробыв два дня в городе, он докладывал, что никакого "дела Григорьева" ни у Эпштейна, ни у Аверина, ни в Реввоенсовете не обнаружено: "Имеются только некоторые материалы, и то не особенно существенные, о Махно... Констатирую наличие здесь несомненной паники и чрезмерной нервозности... Только что мне доложили из политотдела армии, что отряды Махно поддаются переформированию, и отлично сражаются в двух полках. Настроение, без сомнений, в нашу пользу...".

Приезд командующего фронтом в Гуляй-Поле оздоровил морально-политическую атмосферу в бригаде. Бойцы удостоверились, что командование обеспокоено их положением. В. Антонов-Овсеенко дал распоряжение немедленно выделить бригаде 5 млн. рублей, бронепоезд, артиллерийскую батарею, 4-х врачей и медикаменты, а по возвращении составил на имя Х. Раковского и М. Подвойского "Записку о Махно", в которой обстоятельно, по пунктам доказывал огульность и безосновательность обвинений против Н. Махно. Приезд командующего, казалось, погасил конфликт и успокоил обе стороны. 30-го апреля председатель СНК УССР лично направил комбригу 3-й Заднепровской телеграмму, в которой не было ни резких обвинений, ни угроз, скорее - настойчивая просьба: "В интересах дела необходимо поднять дисциплину нашей бригады и очистить ее от тех элементов, которые своими действиями настроили против себя рабочих Донецкого бассейна и причинили вред вашему имени". Ответ Махно начинался с протеста против статьи в харьковских "Известиях", впрочем, он обещал держать революционный фронт. В начале мая Гуляй-Поле посетил особоуполномоченный Совета обороны Л. Каменев, которого сопровождали Г. Пята-

ков и К. Ворошилов. Встретили высоких гостей торжественно, с почетным караулом и митингом, на котором выступали и Л. Каменев, и Н. Махно. Причем последний говорил о подвигах Красной Армии, которая пришла на помощь повстанцам, о неразделимости судьбы украинских и русских трудящихся. В штабе он молча слушал Л. Каменева, который сообщал об отдельных фактах, следствием которых является дезорганизация продовольственного, транспортного и военного дела, об отсутствии в районе комбедов. Махно в основном с обвинениями согласился, но подчеркнул, что все повстанцы стоят за Советскую власть и сотрудничество с большевиками. У него вырвались лишь нарекания на деятельность ЧК и комиссаров-назначенцев. После возвращения в Екатеринослав Л. Каменев опубликовал "Открытое письмо командиру 3-й бригады тов. Махно". Письмо это, хоть и содержало определенную критику, в целом имело доброжелательный характер и, как и записка В. Антонова-Овсеенко, полностью снимало обвинения, которые выдвигались против махновцев. Казалось бы, кризис, так неожиданно возникший, окончательно преодолен, взаимопонимание налажено, и стороны каждая для себя сделают определенные выводы. Возможно, так и случилось бы, если бы положение на фронте и в стране не обострилось до предела - летом 1919 года Советская власть переживала наиболее критический момент своего существования. На Украине она была ликвидирована. Возникла непосредственная угроза захвата белыми Москвы. В этой обстановке советское руководство УССР не могло выявить настоящих, глубинных причин своих неудач и пошло самым легким путем, переложив часть их непосредственно на Махно, обвинив его в дезорганизации фронта и выступлении против Советской власти. Как это случилось?

В начале мая ситуация на Донбассе оставалась сложной. Бои шли с переменным успехом, противник наращивал численность своих войск на фронте. Против 73 тыс. красноармейцев он имел 100 тыс. человек. Особенно ощутимым был перевес белых в кавалерии. В. Ленин требовал от В. Антонова-Овсеенко и М. Подвойского реальной помощи Южному фронту. Однако последние продолжали тешить себя иллюзиями похода на Запад. 8-го мая приказом по войскам Укрфронта 2-я Украинская Советская Армия в полном составе передавалась в распоряжение Южного фронта, где с 3-го мая и должна была получать все виды довольствия. Что же реально получил Южный фронт? Оказывается ничего. Ибо в тот момент, как свидетельствует командующий 2-й Украинской Советской армии А. Скачко, вся она состояла из бригады Н. Махно: "Когда в конце концов пришел приказ главкома о передаче Южфронту всей Укрармии, Антонов выделил из ее состава и Крымскую дивизию, превратив последнюю в отдельную Крымскую армию /приказ Укрфронта 5 мая/... После этого "выделения" в начале мая от 2-й Украинской армии остался только... один штаб... 20 мая я докладывал Южфронту и Укрфронту, что сейчас вся 2-я Украинская армия состоит только из бригады Махно".

О состоянии бригады в начале мая приходили противоречивые сообщения. Политотдел Реввоенсовета Укрфронта 3-го мая информировал, что положение в бригаде Махно улучшается, для чего предприняты энергичные меры. Там в противовес анархистской пропаганде издается газета "Красное знамя", которая пользуется широким спросом. Во всех полках, а их было четыре, есть комячейки. Одновременно крестьянство, которое пополняет бригаду, в большинстве не организовано, анархисты и левые эсеры запугивают его коммуной и комбедами. Отношения между командным

составом и политработниками натянутые. Более критичной была докладная записка составленная 4 мая членами Высшей войсковой инспекцией. Их беспокоил тот факт, что район действий махновцев увеличивался, а в ближайшем тылу отдельные части бесчинствовали, среди некоторых велась даже антисоветская агитация, направленная на дискредитацию Красной Армии. В связи с этим Высшая войсковая инспекция предлагала заменить бригаду на фронте другими частями, провести ее переформирование, и придать вид регулярной, Махно же от командования освободить и начать над ним следствие. И вообще предлагалось заменить командного состава, а в полки влить комячейки из красноармейцев-рабочих. Не беремся судить, пошла бы на пользу бригаде смена командира и следствие над ним, однако передышке и реорганизации она требовала немедленно. Может быть, тогда бы ее судьба сложилась иначе.

Практически из боев махновцы не выходили. Как и в апреле, от них требовалось продолжать наступление. 5 мая они занимали позиции по линии Павлополь - В. Каракуба - Стила. Далее требовалось выйти на линию Таганрог - ст. Квашино. Снабжение, как и раньше, оставалось неудовлетворительным. В начале мая бригада получила только 7 орудий, и то без замков. Полное отсутствие оружия не давало возможности обеспечивать полноценное пополнение полков, хотя желающих вступить в бригаду хватало. И тут Махно прибег к одному из отчаянейших и абсолютно партизанских способов доставания оружия, который, наш взгляд, достаточно полно передает характер его и как человека, и как деятеля. Еще в апреле после захвата Мариуполя он вывез из порта несколько миллионов пудов угля, который приготовили белые для французской эскадры. Уголь разместили в районах дислокации бригады. А в начале мая Махно направил советскому руководству Украины телеграмму, в которой предлагал обменять уголь на оружие и снаряжение, мотивируя свое предложение тем, что повстанцы не выходят из боев. Телеграмма заканчивалась ультимативно: "И только тогда мы дадим уголь и другое, для чего поручите нашему представителю наладить со мной товарообмен". Комбриг брал на себя явно больше, чем ему позволялось, а это вызывало новые подозрения.

9 мая герой взятия Одессы, кавалер ордена Красного Знамени начдив Н. Григорьев поднял антисоветский мятеж. 15 тыс. бойцов его дивизии, посаженные на эшелоны, при поддержке бронепоездов начали быстро двигаться в направлении Екатеринослава, Кременьчуга, Черкасс. Тыловые части Красной Армии еле давали им отпор, а некоторые из них под влиянием григорьевского универсала и пропаганды переходили на сторону восставших. С предложением объединить силы Григорьев обратился и к Махно. В Харькове и Киеве понимали, что союз двух повстанческих атаманов сделает ситуацию катастрофической. Когда попытки договориться с Григорьевым мирным путем ни к чему не привели, его объявили вне закона, а от Махно начали требовать четко заявить о своей позиции.

Получив 12-го мая телеграфное сообщение от Л. Каменева о предательстве Григорьева, Махно направил своим войскам приказ, в котором требовал принять самые энергичные меры по сохранению фронта: "Честь и достоинство революционера требуют от нас оставаться верными революции, и раздоры Григорьева с большевиками из-за власти нас не могут заставить открыть фронт для кадетов-белогвардейцев". В этом же ключе был дан ответ Л. Каменеву. Махно уверял, что будет держать фронт, но

отказывался писать воззвание против Григорьева до того времени, пока посланная им лично к григорьевцам депутация не выяснит причин мятежа и его характера. Такая позиция была вначале расценена как выжидание и маневр. Возникла пауза, которой оказалось достаточно, чтобы снова раскрутить маховик антимяхновской пропаганды. Из Александровска в центр полетели телеграммы о том, что на город с целью захвата идут три маховских отряда. Исполняющий обязанности харьковского окрвоенкомата докладывал в Наркомвоен, что будто бы разведкой установлена "несомненная связь" Григорьева и Махно. Харьковский меньшевистский "Наш голос" 13-го мая в статье "Новая опасность" не без политического злорадства в отношении своих постоянных оппонентов-большевиков также подбросил дров в костер: "Мы не знаем, примкнул ли уже Махно к Григорьеву, однако уже ясно, что физиономия Махно достаточно похожа на физиономию Григорьева, а физиономия его армии абсолютно такая же, как и физиономия армии Григорьева. А, кроме этих двоих, сколько таких авантюристов...".

Слухи, которые поползли по телеграфным лентам, дошли и до Махно. 13-го мая он отбил в центр телеграмму: "... Ни одна часть из моих войск не снята с фронта, ни одного повстанца мной не направлено ни в Александровск, ни в другой пункт Советской республики. Наоборот, повстанцы ведут успешное наступление на деникинском фронте и находятся за три версты от Кутейниково". Потом пришел еще ряд аналогичных телеграмм. В интервью корреспонденту харьковской большевистской газеты "Коммунар" 14-го мая Л. Каменев категорически отверг слухи о поддержке Махно Григорьева.

Через несколько дней в Гуляй-Поле вернулась депутация маховцев во главе с О. Чубенко. Столкнувшись в дороге с последствиями еврейского погрома, учиненного григорьевцами, она признала их контрреволюционерами. К этой же мысли и присоединился штаб. 17-го мая вышел первый номер маховской газеты "Путь к свободе", где в статье "Новый Петлюра" Григорьев и григорьевщина были заклеены как подлый "подлый национальный контрреволюционный волк, который пытается толкнуть народ на преступный и гибельный для революции путь национальной травли и вражды". Статья заканчивалась призывом к рабочим, крестьянам и повстанцам быть на страже и оставаться верными великой социальной революции.

Мятеж Григорьева окончательно разбил иллюзии похода на Запад. Немедленно пришлось бросать на удушение выступления всевозможные резервы и даже часть фронтовых сил. Войска Южного фронта принимали участие в ликвидации антисоветского мятежа на Дону в районе станции Вешенской. Деникинцам не нужно было ждать более удобного момента для начала наступления, что они и сделали 19-го мая. Одни из сильнейших ударов был достаточно точно направлен в наиболее уязвимое место Южного фронта: стык 13-й и 2-й Украинской армии. В это время маховцы переформировывали бригаду в дивизию. Разговоры о таком переформировании велись еще во время пребывания 3-й Заднепровской бригады в составе Укрфронта. Принципиальное же согласие об этом было получено Махно от заместителя Наркомвоена УССР Межлаука во время пребывания в Гуляй-Поле делегации Л. Каменева. 9 мая Межлаук телеграфировал в штаб 2-й Украинской армии: "Против переформирования бригады Махно в дивизию возражений не имею". Поддерживал эту идею и командующий 2-й Укр. Армией А. Скачко. Он полагал, что именно

благодаря переформированию и в штаб, и в полки махновцев удастся влить войсковых специалистов и политические силы, которые будут содействовать укреплению дисциплины, нормализации политической обстановки, усилению боеспособности.

Махновские части, которые в апреле имели большие потери, а потом начали переформирование, были явно не готовы к серьезным боям. На 15 мая они в ходе наступления овладели станциями Кутейниково и Амвросиевка и создали непосредственную угрозу основным железнодорожным коммуникациям деникинцев на Донбассе и на железнодорожной линии Иловайское - Таганрог. Это вызвало активную защитную реакцию. Штаб Махно докладывал: "Согласно с приказом по армии наши части перешли в наступление 11 мая по линии Морде до ст. Моспино. Наступление развивалось успешно, были захвачены главные опорные пункты. Отсутствие налаженной и немедленной доставки патронов, вынудило оставить много позиций и прекратить наступление. Кроме этого, части абсолютно не имеют патронов и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем состоянии в случае серьезного контрнаступления противника. Мы свой долг выполнили, но высшие органы задерживают снабжение армии патронами".

Позднее В. Антонов-Овсеенко в своих воспоминаниях признавал, что нужно было укрепить группу Махно, и если бы этого удалось достичь своевременно, можно было бы рассчитывать на успех на Донбассе. Однако помощь Махно запаздывала. Единственный полк /55-й Украинский/, который командование 2-й армии смогла перебросить в район ст. Моспино, 17 мая был разбит конницей Шкуро.

Как свидетельствует оперативный приказ по 13-й армии за 22 мая, противник, сосредоточив значительные силы против правого фланга 9-й дивизии, которую так же практически разгромили в апреле, прорвался в стык между 9-й дивизией и частями Махно. К тому же конницу Шкуро во время прорыва поддерживали танки. Как правило, советская историография, не вдаваясь в подробности при анализе, единодушно утверждает о измене Махно и полной дезорганизации им фронта, об антисоветском махновском мятеже, который будто бы способствовал наступлению деникинцев на Харьков и Екатеринослав. Документы же свидетельствуют совсем о другом.

Пришлось отступить. Однако еще никто в этом отступлении не видел измены и трагедии. Махновцы объективно уступали силой врагу, не имели достаточного количества оружия и боеприпасов. Командующий 2-й Украинской армией сообщал по инстанции: "Волновашский прорыв собственными силами армии не только не может быть ликвидирован, но и не представляется возможным остановить успех врага, который развивается. Для ликвидации прорыва и восстановления предыдущего положения необходимо немедленно не меньше одной пехотной бригады при соответствующей артиллерии и коннице. Дивизия Махно ощущает острую потребность в патронах и артиллеристских снарядах. В резерве 2-й армии только лишь 2-й интернациональный полк /400 штыков/". 23 мая главком Й. Вацетис, констатируя факт отступления, требовал немедленно направить в течение 24-х часов в этот район боеспособную бригаду пехоты с дивизионом артиллерии. Как известно, он в течение двух месяцев настаивал, чтобы Укрфронт перебросил на Донбасс войска, и все - напрасно. Неоднократные обращения В. Ульянова /Ленина/ к руководителям Украины также не помогли. Тогда 16-го мая на Украину прибыл председатель Реввоенсовета Л. Троцкий, который весной 1919 г. развернул бешеную борьбу с партизанщиной

в Красной Армии. 19-го мая он провел объединенное заседание ЦК РКП/б/ и ЦК КП/б/У, на котором было принято решение о ликвидации Украинского фронта. В поле его зрения сразу же попали и махновские части. Переформирование бригады в дивизию вызвало у Троцкого бурную негативную реакцию. Не помогли даже очень существенные возражения А. Скачко. А тем временем командующий 2-й Украинской армией считал, что резкая смена политики в отношении Махно может привести к сворачиванию махновцами боевых действий, ухудшению ситуации на фронте и в конечном итоге - к открытому разрыву между Советской властью и Махно: "Если Южфронт и РВС Республики считает, что сейчас наступил момент решительной политики в отношении Махно, то приказ об отмене переформирования бригады Махно в дивизию будет первым шагом такой политики, но, раз начавшись, такая политика приведет к вооруженному столкновению с Махно.

Предполагая вооруженную стычку, следует помнить, что вся 2-я Украинская армия только и состоит сейчас из бригады Махно, что украинские части из других армий, которые поголовно вышли из повстанческих отрядов, не пойдут против Махно, что для ликвидации Махно необходимо иметь не менее двух хорошо вооруженных, полных численных российских дивизий.

Если такие реальные силы есть в запасе Южфронта, то тогда можно начинать решительную политику с Махно...". А. Скачко как в воду глядел. Далее происходило почти так, как он предвидел. В 20-х числах мая Махно бомбардировал Харьков и Екатеринослав телеграммами с требованиями немедленно дать оружие и особенно - патроны. Иногда повстанцем приходилось отбивать атаки врага без единого патрона и в бою овладевать оружием противника. Все это приводило к неоправданной массовой гибели бойцов. Только в боях под Гришиным махновцы потеряли до 3000 человек. По махновским полкам поползли слухи об измене повстанцам руководства Красной Армии. Возросли колебания в крестьянской среде, вызванные политикой "военного коммунизма". Махно намеревался нейтрализовать их и сберечь боеспособность частей. 24 мая он опубликовал статью в газете "Путь к свободе", где, изложил ряд возражений против института государственной власти вообще, на провокационный призыв левых эсеров и меньшевиков "выступить против существующей власти с целью ее ликвидации и установления другой, "лучшей", прямо ответил: "Нет и нет! Какая-либо ликвидация власти сейчас вызовет к жизни другую власть, не лучшую, а скорее - худшую...". Однако в то время идеологические расхождения Махно с большевистским и советским руководством, построенные на противоположных оценках "военного коммунизма", уже стали достаточно очевидными.

Если военные деятели /В. Антонов-Овсеенко, А. Скачко, П. Дыбенко/ были уверены в том, что Махно будет и дальше вести борьбу с денкикинцами, то советское и партийное руководство заняли в отношении него резко негативную позицию. 22-го мая части Красной Армии захватили центр григорьевского мятежа - ст. Александррию. Отряды мятежников были рассеяны. Они уже не составляли опасности. Положение на Южном фронте еще не воспринималось как катастрофа. 25-го мая в разгар наступления Шкуро Совет Рабоче-крестьянской Обороны УССР рассмотрел вопрос о Махно и принял решение, которое привести полностью: "1/ Ликвидировать Махно в кратчайший срок; 2/ Предложить ЦК всех советских партий /коммунистов и украинских социалистов-революционеров-коммунистов/ немедленно применить

политические меры по ликвидации махновщины; 3/ Предложить командованию УССР на протяжении недели разработать военный план ликвидации Махно; 4/ Предложить ЧеКа прифронтной полосы организовать из своих отрядов полк, который должен быть немедленно брошен в район действий Махно; 5/ Обратится в Реввоенсовет Южного фронт через Реввоенсовет республики для координации действий по ликвидации Махно; 6/ Это постановление довести до сведения Реввоенсовета республики телеграфом".

Речь ведется не о морально-этических принципах, которыми руководствовались члены Совета Оборона, готовясь к разгрому свои, даже не вчерашних, а нынешних союзников, которые хоть и попали в незавидную ситуацию, но проявляли готовность бороться с общим врагом, были бы лишь патроны и винтовки. Попробуем квалифицировать их действия с военной и политической стороны. Каким образом, ликвидировав МАХНО, они планировали стабилизировать ситуацию на фронте? Ведь во всех учебниках по военному искусству утверждается, что во время наступления врага какая-либо замена частей небезопасна. С другой стороны, бойцы махновских подразделений были, собственно, выходцами из тех районов, где шли бои, и поддерживали теснейшие контакты с населением. Широкомасштабная операция против Махно привела бы лишь к обострению политической ситуации в районе.

Вероятно, подобное решение было принято под влиянием кампании борьбы против партизанщины вообще, и украинской в частности. 20-го мая орган ЦК КП/б/У "Коммунист" напечатал статью Л. Троцкого "Украинские уроки", написанную по поводу ликвидации григорьевского мятежа. Однако ее автор не скрывал, что мыслит масштабнее, констатируя, что будто бы григорьевщина является лишь определенным свидетельством вырождения партизанщины. Саму суть партизанщины председатель РВС республики связывал с сущностью мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, на способность которого к революционным преобразованиям он смотрел весьма скептически: "Мелкий буржуа, пришедший к власти либо примазавшийся к власти, остается в оппозиции самому себе: власть ему не под силу, она связывает его, пугает, тревожит, раздражает, либо требует от него беспримерной выдержки и внутренней дисциплины. И вот, держась за власть, он пытается сразу выскочить из государственной упряжки. Как "крепкий мужик" он устраивает время от времени восстания под наименее бессмысленнейшими лозунгами, которые фабрикуются для него контрреволюционными авантюристами". Здесь не трудно уловить непосредственные обвинения в адрес махновщины. Однако речь идет не об отношении Троцкого к крестьянству, про что уже писалось, а про методы, которыми он предлагал бороться против партизанщины. К тому времени он доверял лишь "каленому железу". Именно таким образом он предлагал расправиться с восставшими казаками в районе Вешенской. К этому же он призывал и на Украине: "Период партизанщины слишком затянулся на Украине. Именно поэтому ее ликвидация имела такой болезненный характер. Сейчас уже приходится применять каленое железо. Однако эту работу нужно выполнять. Необходимо покончить с авантюристами не на словах, а на деле, и, что еще более важно, надо положить конец авантюризму, надо создавать настоящую армию, правильно организованную, с единым внутренним режимом. Необходимо беспощадно разогнать проходимцев и пройдох, которые никому и ничему не подчиняются". Эти сомнительные выкладки председателя РВСР не представляются нам

ничем другим как своеобразным теоретическим обоснованием решения Совета обороны УССР о ликвидации махновщины. Достаточно частое явление, хотя оно и произошло непосредственно из среды крестьянства либо рабочего класса, но при этом не согласовывалось с теоретическими построениями большевиков и их заявлениями о характере революции, сразу же получало ярлык контрреволюционности. Так произошло и с махновщиной. Почувствовав, что она не унифицируется с теми экономическими, политическими и идеологическими категориями, которые отстаивали большевики, они не вдавались в глубокий внутренний анализ этого социального явления, не искали ни причин его, ни движущих сил, а просто решили воспользоваться благоприятной военной ситуацией. Нам еще долго придется открывать для себя подобные "утраты революции". Лес рубят - щепки летят.

Сразу же стал вопрос, как решение Совета обороны претворить в жизнь. Военные /начальник оперативного штаба Укрфронта/, как того требовал пункт третий решения, разработали проект плана, которым предусматривались два возможных плана ликвидации махновщины. В штабе хорошо знали соотношение сил и сознавали всю бесперспективность прямых военных действий против махновцев, которые к тому времени имели 20 тыс. штыков и 2 тыс. сабель. Несмотря на то, что в последних боях два махновских полка были разбиты, - писал начальник оперативного штаба, - "бригада представляет собой очень сильную боевую единицу". В связи с этим предлагалось вывести часть махновских полков на другие участки фронта или даже на другие фронты, либо, воспользовавшись реорганизацией бригады в дивизию, влить в нее новый как командный, так и рядовой состав, что изменило бы дух в махновских частях в желаемом направлении. Практически это был тот же вариант, который несколькими днями раньше предлагал и отстаивал А. Скачко. Причем автор плана явно склонялся ко второму варианту, поскольку первый, на его взгляд, выполнить было крайне тяжело. С одной стороны нежелательно снимать части с фронта, с другой - было неизвестно, захотят ли махновцы оставлять свои районы и передислоцироваться в другие. Второй способ казался более благоприятным. Предлагалось принять план реформирования бригады в дивизию с тем, чтобы в процессе ее реорганизации, поскольку "протяженность фронта, который занимают отряды Махно, значительно превышает все мерки, положенные для фронта не только бригады, а даже и дивизии", разделить его /фронт/ на несколько /2-3/ участков. Крайний левый из них с соответствующими войсками планировалось подчинить начальнику 9-й дивизии, центральный - командующему 2-й армией, а приморский - временно оставить за Махно. План был представлен одному из членов Совета обороны УССР А. Бубнову, но он нашел его неприемлемым, поскольку, во-первых, по его мнению, Махно понял бы его цель и не подчинился бы, во-вторых - смена командного состава - долгое и хлопотное дело, и, в-третьих, считал он, в рядах бригады Махно не было "силы для ликвидации Махно". Следовательно, - делал вывод Бубнов, - "необходимо иметь план концентрации вооруженных сил, взятых из разных частей. Это можно сделать путем постепенной переброски на Южный фронт новых частей, которые могли бы быть предварительно настроены на особое задание и предназначены для ликвидации Махно. Такого плана начальник штаба не разработал". Так и в этот раз, теперь уже последний, рациональное зерно было отброшено. В высших эшелонах

упорно не хотели считаться с реалиями жизни. В то время бескомпромиссность считалась высшим проявлением революционного духа.

28-го мая Реввоенсовет Южного фронта известили штаб махновцев о запрете реорганизации бригады в дивизию. Нетрудно было предвидеть, что это вызовет у Махно резкую ответную реакцию. Имея крайне неуравновешенный и взрывной характер, из-за чего большую часть своего девятилетнего заключения провел в кандалах, Махно часто утрачивал контроль над собой и обращался к крайним мерам, в чем, правда, был очень схож со многими другими революционерами. Так было и в этот раз. Не прошло и полтора часа после получения телеграммы из штаба фронта, как туда полетел ответ: "Я никогда не стремился к высоким званиям... и, оставаясь честным революционером по отношению к Революции и народу, заявляю, что с 2 часов дня 28 мая не считаю себя начальником дивизии и, соответственно, комбригом-3. Даю свободное право каждой бригаде, входящей в повстанческую дивизию, переходить в распоряжение Южфронта и Чикваная, либо разбиться на самостоятельные отряды и работать в интересах народа - это их воля. Сам же прошу послать человека, который бы принял отчетность в средствах, которые выдавались штабом армии... Я больше сделаю в будущем в низах народа для революции - я ухожу. Батько Махно".

Возможно, "батько" надеялся, что штаб фронта, уразумев безвыходность ситуации, обратится к нему с просьбой остаться и отменит свой приказ. Однако этого не случилось. Того же 28-го мая командарм-2 отдал приказ начдиву-7 Е. Чикваная выехать в Гуляй-Поле для приема бригады у Махно и назначения в ней нового командования. Что же касается 7-й Украинской дивизии, то она, по мысли Антонова-Овсеенко, была создана в апреле и состояла из бригады Махно, отельной бригады Покуса, Крымской бригады и 5-го кавалерийского полка. Из бригады Покуса боеспособным являлся лишь 55-й полк, который деникинцы 17-го мая разбили. Другие полки еще только формировались в Екатеринославе. Однако этому помешала григорьевщина. Кавалерийский полк был брошен против григорьевцев и в дивизию не поступил. Не поступила туда и Крымская бригада. А. Скачко писал, что она просто не успела сформироваться. Таким образом, как и 2-я Украинская армия, 7-я дивизия состояла только из бригады Махно, да и то, до того времени, пока он не решил реформировать ее в дивизию. Нам не удалось выявить ни одного намека в документах на то, что 28 или в ближайшие 1-2 дня Чикваная приезжал в бригаду Махно.

Тем временем реакция махновцев на эти события была быстрой и решительной. 29-го мая командованию Южного и Украинского фронтов, в Киев - Раковскому и в Харьков - Каменеву и даже в Москву - Ленину "штаб первой повстанческой дивизии" прислал телеграмму, в которой выразил свое категорическое не согласие с решением Южфронта как несправедливым в отношении "вождя повстанцев тов. Махно" и предупредил, что это решение может иметь фатальные последствия: "Все одиннадцать полков повстанцев, которые входят в первую повстанческую украинскую дивизию, считают тов. Махно своим ближайшим и природным вождем, выдвинутым всеми трудностями и долгим путем революции. Абсолютно достоверно, что с оставлением т. Махно своего поста целые бригады не примут никакого командования. Несомненно, что это пагубно скажется на фронте и тылу революции". Это, так сказать, эмоциональная, декларативная часть. Однако в штабе этим не ограничи-

лись и постановили: 1/ Настойчиво предложить Махно выполнять и дальше свои обязанности и полномочия; 2/ Превратить махновские части в самостоятельную повстанческую армию, руководство которой поручить тов. Махно. Далее в постановлении говорилось о подчинении только что созданной армии в оперативном плане Южфронту, и все оперативные приказы по армии должны были сообщать всему командованию. "Штаб первой повстанческой украинской дивизии категорически заверяет, - подчеркивалось в постановлении, - что все возможные недоразумения, которые создаются, конечно, неточной информацией агентов власти, безусловно, могут и должны ликвидироваться товарищеским путем". Завязалось телеграфное единоборство, поскольку, как справедливо заметил В. Антонов-Овсеенко, Реввоенсовет Южного фронта в тех обстоятельствах просто неспособна на сколько-нибудь реальные действия против Махно. Телеграф передавал, что Реввоенсовет южного фронта признал действия и заявления Махно преступлением, в связи с чем он подлежит аресту и суду Ревтрибунала. Поэтому Реввоенсовету 2-й Украинской армии приказывалось принять немедленно все меры к тому, чтобы Махно не избежал кары.

Тем временем денкиинцы продолжали настойчиво атаковать, конница Шкуро шла вперед, белые захватили Гришино. 13-я армия была разбита. А. Скачко просил подкреплений, однако, их не было. Более того, в первые дни июня Л. Троцкий вызвал на связь Н. Махно и предложил ему занять своими войсками фронт, оставленный 13-й армией, то есть растянуть части еще на 100 верст. Махно начал доказывать, что у него для выполнения такого задания нет ни людей, ни оружия. Троцкий настаивал, Махно отказывался. Так разговор продолжался некоторое время, пока Махно не сорвался на ругань. Разговор сразу же прекратился.

В такой ситуации исполком Военно-революционного совета Гуляй-Поля, обсудив положение на фронте, решил созвать 15-го июня очередной съезд представителей района. Советское руководство квалифицировало идею съезда как контрреволюционный шаг. На его проведение было наложено табу. 4-го июня по этому поводу вышло сразу два приказа: председателя Реввоенсовета республики за № 1824 и один из первых приказов назначенного командующим 14-й /бывшей 2-й Украинской/ армией К. Ворошилова. В приказе Л. Троцкого Махно изображен фактически как враг, один из инициаторов съезда, "целиком направленного против Советской власти на Украине и против организации Южфронта". А двумя днями раньше, 2-го июня, газета "В пути", издававшаяся при поезде председателя РВСР, опубликовала статью Л. Троцкого "Махновщина". Как и в свое время от григорьевщины, статья не оставляла от махновщины камня на камне, и это можно понять. Однако речь о другом. В одном из архивных дел удалось найти машинописную копию этой статьи, последняя часть которой ранее в прессе, а потом и в произведениях Л. Троцкого не публиковалась. У нас нет полных оснований утверждать, что этот текст принадлежал Троцкому, хотя он много в чем перекликался с ранее приведенными отрывками "Украинских уроков". Он не потребует особенных комментариев. Читатель сам сможет дать ему надлежащую оценку. "Наступление противника, - отмечается, в частности, в нем, - само подняло вопрос о ликвидации махновщины... В данный момент враг, который захватил большую половину территории, на которой Махно пользовался популярностью, подорвал у него социальную базу. Данный момент наиболее удобный нам для ликвидации махновщины уже потому, что вводя наши регулярные части, мы можем

убить авторитет партизанщины и батьковщины возможными нашими успехами, благодаря чему авторитет регулярных частей может подняться еще выше. Сдача Гуляй-Поля для нас из политических соображений желательна". Говоря другими словами, цель оправдывает средства. И Гуляй-Поле было-таки сдано. Махновцы не смогли его отстоять собственными силами, а помощи так и не дождались.

Некоторые из советских руководителей не скрывали своей радости по поводу победы, которой они так жаждали и которая, к тому же, досталась руками врага. Командующий 14-й армией Ворошилов телеграфировал председателю РВСР, главному и командующему Южфронтом: "Махновия разбита Шкуро вдребезги. Отдельные махнята молят о защите и покорности Советской власти. Момент для ликвидации этого гнойника удобный. Наша беда - отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остатки банд". В это время Ворошилов находился с Махно в одном поезде и имел приказ от командующего фронтом о его аресте и передаче в Ревтрибунал, но ни чего не смог сделать, т. к., хоть и был командармом, но не имел даже полка под собственной рукой. Агитационно-пропагандистская антимахновская компания приобрела широкий размах. Не жалел черных красок на Махно в выступлении на Всеукраинском съезде волисполкомов Е. Квириг. Его выступления пресса опубликовала под заголовком "Новый предатель Махно". Харьковские "Известия" подтвердили, что их апрельское выступление не было случайностью и взорвались новой статьей "Еще раз долой махновщину". Однако партия первой скрипки в этом оркестре принадлежала Л. Троцкому. Его статью "Махновщина" перепечатало несколько республиканских газет. Приказ № 1824 размножался и зачитывался во всех гарнизонах. В день его подписания Троцкий имел встречу с представителями прессы, во время которой доказывал, что оздоровление Южного фронта - это прежде всего ликвидация Гуляй-Поля. 6 июня в одном из приказов председателя РВСР откровенно говорилось о предательстве Махно, а еще через два дня /8 июня/ появился новый приказ под названием "Конец махновщины".

В это время "комбриг-предатель" находился на фронте. 6 июня на ст. Цареконстантиновка состоялось совещание комсостава и штабных работников бригады. Обсуждался вопрос об объявлении махновцев вне закона. Решили назначить начальником полевого штаба В. Белаша, который настаивал на поиске путей к примирению с командованием красных. Махно же после некоторых колебаний направил командованию армией, фронтом, высшим партийным и советским руководителям телеграмму, в которой предлагал принять у него дивизию и таким образом сохранить остатки повстанчества. Ответа не последовало. До 9 июня махновцы вынуждены были отступить на линию: Новоспасовка - Цареконстантиновка - Гуляй-Поле - Гайчур - Чаплино. В тот же день на ст. Гуляй-Поле состоялось новое экстренное заседание членов полевого штаба, Военно-революционного совета и союза анархистов. На повестке дня стоял один вопрос: что делать дальше? Мнения разошлись. Одни настаивали свернуть полки и отступить за Днепр, другие - стоять до конца на фронте. Третьи предлагали передать основную массу бойцов красному командованию, а с незначительными силами пойти в тыл к белым. Совещание так и не приняло решения, т. к. началось новое наступление шуковцев, и Махно выехал на ст. Гайчур. Отсюда 9 июня он дал еще одну телеграмму, адресованную В. Ленину, Л. Каменеву, Г. Зиновьеву, Л. Троцкому, К. Ворошилову. В ней содержались горькие раздумья чело-

века, к которому не плохо было бы и прислушаться. У нас нет возможности привести полностью эту телеграмму, однако, и отдельные ее фрагменты дают возможность понять, что Махно был далеко не авантюрист, образ которого сначала пыталась создать официальная пропаганда, а потом и историография. "Меня выставляют и бандитом, и союзником Григорьева, и заговорщиком против Советской республики в понимании восстановления капиталистических порядков. Так в № 51 газеты "В пути" Троцкий в статье под названием "Махновщина" ставит вопрос: "Против кого же восстают махновские повстанцы?" и на протяжении всей статьи доказывает, что махновщина есть, по сути, новым фронтом против Советского строя, и ни единого слова не говорит о тяжком белогвардейском фронте, на котором с первых дней восстания крестьян против гетмана-помещика повстанчество несло и несет неисчислимые жертвы... Я абсолютно уверен в том, что Центральная государственная власть считает все повстанчество в целом несовместимым с государственным строительством в том его понимании, в каком это строительство проводится современной государственной властью. Одновременно Центральная власть считает повстанчество связанным со мною, и существующая неприязнь и вражда Центральной власти к повстанчеству переносится главным образом на меня... Отмеченное мной враждебное, а последнее время наступательное поведение Центральной власти в отношении повстанчества, по моему глубокому убеждению, с фатальной неизбежностью ведет к кровавым событиям в середине трудового народа, созданию среди трудящихся особенного внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров. Я считаю это величайшим преступлением перед трудовым народом и его сознательной революцией, который никогда нельзя будет простить, и считаю себя обязанным сделать все возможное для предупреждения этого зла... Наиболее точным и возможным способом избежать преступления, которое надвигается, я считаю оставление поста, который я занимаю. Думаю, что с моей отставкой Центральная государственная власть прекратит подозревать революционное повстанчество в заговорах против Советской республики и отнесется к нему со всей серьезностью, как к живому деятельному детищу социальной массовой революции на Украине, а не как к подозрительному лагерю, с которым торговались за каждый патрон и который часто саботировался воинской амуницией и обмундированием..." В последний раз Махно прибыл на фронт 15 июня. К тому времени махновцы сумели вновь отбить у белых Ногайск, ст. Б. Токмак, Пологи, Гайчур и Гуляй-Поле, однако в тылу у них стояли красные части, которые пытались разоружить некоторые повстанческие отряды. 12 июня на ст. Синельниково прибыл Чрезвычайный трибунал, которым в тот же день были арестованы тогдашние члены махновского штаба Бурбига, Михайлов-Павленко, Алейников, Коробко, Костин, Полунин, Добролюбов, Озеров. Арест произвел на Махно сильное впечатление, и "батько" уже открыто вел антисоветскую агитацию, митинговал в Б. Токмаке. 19 июня он перешел на правый берег Днепра. С ним был лишь небольшой отряд из 500 пехотинцев и 300 конников. Преобладающее большинство повстанцев осталось на фронте.

В исторической литературе можно прочитать, что махновские части первыми рассыпались под ударами врага и оголили фронт. Так ли это было на самом деле? Бригада все время оставалась на фронте. После отказа Махно от командования ею управлял начштаба В. Белаш. Как свидетельствует очень острый и нервный теле-

фонный разговор П. Дыбенко с К. Ворошиловым и Межлауком, бригада удерживала участок фронта Пологи - Бердянск. Тут были их родные села, семьи, земля, и они обороняли их до конца. В. Антонов-Овсеенко в июне 1919 г. подал докладную записку в ЦК РКП/б/, в которой анализировал военную работу на Украине. Несмотря на то, что разрыв с Махно стал уже реальностью, он писал: "Прежде всего, факты свидетельствуют, что утверждение о слабости наиболее заразного места - района Гуляй-Поля - Бердянск - неверны. Наоборот, именно этот участок оказался наиболее жизнеспособным из всего Южного фронта... И это не потому, конечно, что мы тут были лучше всего в военном отношении организованны и обучены, а потому, что войска защищали непосредственно свои очаги. Нестойкость же, проявленная этим районом в последнее время, объясняется главным образом недостатками снабжения - патронов совсем не было, винтовки были самых разных систем и т.д. Махно еле держался, когда побежала соседняя 9-я дивизия, а потом и вся 13-я армия...".

В. Белаш в своих воспоминаниях писал, что лишь 22 июня Ворошилов послал в полевой штаб махновцев комиссию для приема частей. В связи с этим на следующий день на ст. Орехово был составлен акт об их приеме и передаче. Его текст приводит В. Белаш: "Акт. Данный выдан комиссией штаба 14-й армии начальнику полевого штаба 1-й повстанческой дивизии Махно т. Белашу в том, что от него приняты и переданы вновь назначенному начдиву 7-й т. Круссеру такое:

1. Участок фронта по линии: г. Ногайск - с. Романовка - Михайловка - ст. Б. Токмак - Кирилловка - Пологи - Гуляй-Поле - Рождественское - Новониколаевка, всего 135 верст;

2. Пехотные полки:

а/ Новоспасовский /Вдовиченко/ в составе 6000 красноармейцев, из которых без винтовок 3000

б/ 8-й Заднепровский /Бондарца/ в составе 5000 красноармейцев, из них без винтовок 2000

в/ 7-й Заднепровский /Калашникова/ в составе 7000 красноармейцев, из них без винтовок 4000

г/ 9-й Греческий /Тахтамышева/ в составе 2000 красноармейцев, из которых без винтовок 1200

д/ 10-й Донской /Бондаренко/ в составе 5000 красноармейцев, из которых без винтовок 2000

е/ 11-й Игнатовский /Ровазы/ в составе 6000 красноармейцев, из которых без винтовок 2000

ё/ Три полка сведены в составе 12000 красноармейцев, из них без винтовок 10000

ж/ Группа Паталахи в составе 8000 красноармейцев, из них без винтовок 5000

з/ Группа Петренко /Платонова/ в составе 4000 красноармейцев, из них без винтовок 3000

и/ Два бронепоезда, один вооружен шестидюймовой пушкой, другой тремя трехдюймовыми при 25 снарядах и 15 пулеметах

й/ Три полевые батареи /9 трехдюймовых пушек, на каждую из них от 3-х до 10 снарядов/

к/ Сто пулеметов на тачанках и до 30000 патронов

л/ Снабжение и кассу - 800 000 руб. и другое имущество дивизии

Председатель комиссии /подпись/
Члены /четыре подписи/
23.VI.1919 г. г. Орехово".

Частично махновские части были переформированы, а частично в том же составе боролись с деникинцами на юге Украины летом 1919 года.

Причины разгрома Южного фронта - далеко не в украинской "партизанщине". Несколько позднее и Л. Троцкий назвал причиной провала слабость общего стратегического плана, но в июне он же не жалел энергии на ликвидацию махновщины.

Совсем в другой плоскости результаты свержения Советской власти на Украине и успешное продвижение Деникина В. И. Ленин. Он признал, что за два года революции большевики не смогли завоевать сочувствия и поддержки большинства трудящегося крестьянства Украины. Как показывает анализ отношений с махновцами, делали они это крайне неумело.

18 июня Л. Троцкий сообщил о расстреле арестованных Чрезвычайным Трибуналом членов махновского штаба. Махно удалось остаться живым. По велению судьбы он избежал участи Гребенка, Богунского, Черняка, Боженко, Щорса, Думенко, Мироннова. Все они, будучи разными людьми, достаточно близко стояли к повстанческо-крестьянской массе, и каждый по-своему выражал ее интересы. Было ли это преступлением? И по какому праву установлена крайняя степень вины? Сегодня к этим людям, как и ко многим другим, приковано особенное внимание. Мы впервые получили возможность посмотреть на них, включая Махно, не как на вечно застывшие социологические символы, а как на личности, без познания которых живая история не мыслима.

Таким в некоторых главнейших подробностях выглядел первый период сотрудничества махновцев с Советской властью. По сравнению со следующими он был наиболее положительным и для обеих сторон имел немало позитивного, однако, окончился бесславно. Сейчас, когда переосмысление истории гражданской войны только начинается, удержимся от поспешных оценок и попыток определить, какая же из двух сторон несет большую ответственность за разрыв. Иногда можно услышать утверждения, что, если бы, скажем, Махно не пошел бы на конфликт с Советской властью, он занял бы в истории совсем другое место. В таких случаях всегда хочется возразить: история тем и прекрасна, что каждый в ней занимает свое место, в противном случае речь шла бы уже совсем о другой исторической личности или явлении. Другое дело, насколько правильно мы умеем оценить значение той или иной, фигуры, факта, ситуации. Хочется верить, что роль Н.И. Махно в истории гражданской войны будет значительно переосмыслена нашими историками. И, в конце концов, он будет изображаться не как удачливый авантюрист, ставленник кулачества, а как плоть от плоти представить широких крестьянских масс, той третьей силы, которая в бурном море революции и гражданской войны искала свой путь. Эти искания, дав блестящие результаты на стезе борьбы с помещичьими режимами, белогвардейской контрреволюцией, сопровождались кровавой трагедией самоуничтожения, причиной которой стали политические амбиции и стремление совершить непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению в форме "военного коммунизма". Чтобы эти выводы прозвучали более убедительно, нужно идти значительно дальше той фактологической канвы, кото-

рую мы попробовали здесь проследить. В первую очередь надо детально изучить феномен махновщины как социального явления.

Приложение

Награда Родины

"Гуляй-Поле. 4 мая 1919 года. В 7 часов утра я подошла к штабу. /Здесь/ стояли часовые, они мне ласково улыбнулись и сказали - проходите, Галина Андреевна. Я вошла в здание - здесь сидел наш писарь Вася Харламов. Он улыбнулся мне и сказал: "Галина Андреевна, вы к Нестору?" Я ответила, да. "Сегодня у нас большой праздник, к нам приезжает Ворошилов". Я ответила, что я все знаю. Харламов открыл мне дверь, и я вошла в кабинет Нестора. Нестор сидел за столом. Возле него были его личные 2 телохранителя. Это Петя Лютый и Сидор Лютый. Мы поздоровались. Потом пришли начальник штаба Виктор Белаш, начальник контрразведки Лева Задов. Родные братья Махно Григорий и Савелий, Семен Каретник, Алексей Марченко, ну и другие товарищи. Нестор сказал мне: "Ты Галина руководи, чтоб был стол накрыт всем, что надо". "А ты, Григорий, бери тройку лошадей да еще несколько всадников и поезжай на станцию Гуляй-Поле /это 7 км от Гуляй-Поле/, там встретишь Ворошилова. Мой кучер у тебя Сашко Шевченко и возьми Ваню Лепетченко". Перрон Гуляй-Польского вокзала. Сюда на броневике приехал К.Е. Ворошилов и его адъютант Владимир Петров. Поздоровались. Ворошилов сказал: "где Нестор?". Григорий ответил "он Вас ждет в Гуляй-Поле в штабе". Лихая тройка лошадей нас привезла в Гуляй-Поле. Нестор и я вышли из штаба, остановились на крыльце. Под звуки оркестра играющего "Интернационал" перед фронтом загорелых партизан, навстречу Ворошилову вышел Нестор. Малорослый, молодежавый, в папахе. Нестор отдал честь. "Комбриг батько Махно. На фронте держимся успешно. Идут бои за Юзовку и Мариуполь. От имени революционных повстанцев приветствую Вас". Крепкое рукопожатие. Махно представляет членов Гуляй-Польского исполкома и его штаба. Обходят фронт. "Основные части в бою" говорит Нестор. "Здесь в Гуляй-Поле резервный полк. И пара кавалерийских сотен. Одеты кто во что". Прошли строй солдат, здесь были пулеметчики Саша Пузанов, Иван Логвиненко, Семен Панченко, Петр Гавриленко, Прокоп Середа и другие товарищи. По случаю удачных переговоров в Гуляй-Поле состоялся митинг, на котором Нестор заверил Советское правительство о дружбе, обещал помочь в военных действиях против белых. Потом все были приглашены за стол. Ворошилов против Нестора, /рядом/ его адъютант Иванов. Возле Нестора села мать Евдокия Матвеевна, я рядом с Нестором. Стояли возле Нестора Петя и Сидор Лютые, телохранители. В. Белаш, Л. Задов, Федор Щусь, А. Марченко, С. Каретник, Аршинов и Волин. Поднялся Ворошилов и сказал: "По поручению Реввоенсовета разрешите Вам вручить, Нестор Иванович орден красного Знамени за оборону Южного фронта и взятие Мариуполя". Нестор взял орден и сказал: "Я воюю не за ордена, а за победу революции, так как я крестьянин и сейчас наша цель отстоять, уберечь победу революции от белогвардейцев". Был тост. Нестор сказал: "Выпьем за светлое будущее". Потом заиграла музыка, духовой оркестр человек 16-18. Столы тянулись через весь двор. Потом Нестор сказал: "Заиграйте мою любимую". И оркестр заиграл любимый вальс Нестора. "Амурские волны". Мы с Нестором пошли танцевать. После короткого веселья, где были и песни и танцы, после всей церемонии, Нестор и Ворошилов со штабными товарищами ушли в штаб. На следующее утро Ворошилов уехал из

Гуляй-Поля. А уже после награждения, нам через некоторое время была прислана машина, а так же самолет.

Г.А. Кузьменко".

Примечание издателей: Данный текст печатается по копии письма жены Н.И. Махно Г.А. Кузьменко, предоставленной нам двоюродным внуком Нестора Ивановича Виктором Яланским, проживающим ныне в г. Гуляй-Поле. Публикуется впервые.

Считаем своим долгом предупредить читателей, что в воспоминаниях возможны отдельные не точности, т. к. публикуемое письмо написано много лет спустя после изложенных в нем событий.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт



Владислав Федорович Верстюк
Комбриг Нестор Махно
Из истории первого союза махновцев с Советской властью
1990

Сохранено 17 августа 2018 из http://www.makhno.ru/lit/verstyuk_kombrig/lit5.php
Эта брошюра является специально подготовленной частью более общего труда автора - монографии "Махновщина", которая готовится к печати в издательстве "Наукова думка" и выйдет в свет в 1991 г. Текст печатается в переводе с украинского языка по препринту Института истории Академии Наук УССР: Верстюк В.Ф. Комбриг Нестор Махно; препринт № 3/15/-Киев, 1990 г. Перевод В. Радченко.

ru.theanarchistlibrary.org